

Г.Л. Курбатов

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА В VII в.: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

Судьбы византийского города в VII в. во многих аспектах являются дискуссионными¹. Материалы раскопок в средних и малых (типа Афродисии, Анемуриума и др.) городах, комплексные региональные исследования выявили не только вполне понятные особенности их развития, но и (что не менее существенно) важные черты его общности. Уже статистические подсчеты свидетельствуют о продолжающейся в целом до конца VI – начала VII в. строительной активности в городах – частной, церковной и “общественной”, причем автор исследования М.М. Мэнго приходит к выводу, что нельзя недооценивать роль частной (в том числе и в общественном строительстве и поддержании общественных сооружений), хотя многие его приоритеты изменились². В какой-то мере это наблюдение подтверждает мнение о том, что с упадком курий и сословия куриалов “новая” городская верхушка отнюдь не лишилась полисного патриотизма. Данный факт особенно важен в свете традиционного противопоставления муниципальной аристократии (куриалов) и новой, “независимой” крупноземлевладельческой и служилой знати в ее отношении к городу. Это противопоставление в немалой степени служило основанием для заключения об упадке городов и их общественного благополучия с упадком курий и благосостояния куриалов. Пожалуй, наиболее четко идея о “посткуриальной” эпохе господства городских “нотаблей” с середины, второй половины VI в. была сформулирована Ж. Дагроном³, в их единении с остатками куриальной и церковной верхушкой. О достаточно высокой степени их полисного патриотизма и добровольных расходах на городские нужды свидетельствуют надписи из Афродисии, хотя эдикт Юстиниана позволяет судить и о значительных собственных средствах города⁴. Материал из Афродисии еще раз показал, сколь видную роль в полисных делах, в том узком комитете городских *pobiles* (Nov. 123), в котором со времен Анастасия были представлены, кроме куриальной верхушки, епископ и богатое духовенство города, играли его крупнейшие собственники, богатейшие местные землевладельцы и чиновники в

* Данная статья представляет собой резюме части доклада, сделанного автором 8 мая 1992 г. в центре византиноведческих исследований в Думбартон Оуксе. Автор выражает свою признательность как сотрудникам центра, так и коллегам, содействовавшим в работе над этой темой.

¹ Обзор новейшей литературы и выводов см. в монографии Хелдона: *Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge (Mass.), 1990.*

² *Mango M.M. Patterns of Public and Private Construction in Cities of the Eastern Provinces, IV–VII cent. // XVII International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Wash., 1986. P. 210.*

³ *Dagron G. Les villes dans L'Illyricum protobyzantin // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. P., 1981. T. 1: IV–VIIe siècle: Réalités byzantines. P. 14–19, 510–519 etc.*

⁴ *Roueché Ch. Aphrodisias in the Late Roman Period: The Evidence of the Inscriptions. Toronto, 1991.*

отставке. Вопрос о характере их связей с городской общиной, их “полисного менталитета”, по-видимому, еще недостаточно изучен, отчасти в силу сложившихся традиций оценки основ реформаторских инициатив императорской власти. Старая идея о том, что Анастасий с упадком городских курий “возложил” на крупнейших собственников города, епископа и верхушку клира заботу о городских делах, с которыми не справлялись курии, в порядке административного принуждения в конечном счете восходит к традиционным представлениям об императорской (государственной) власти как главной силе развития общества⁵. Между тем именно собственное развитие общества, влияние интересов массы городского населения, связь новых муниципальных структур с предшествующими и должны быть, вероятно, в центре внимания исследователя.

Одним из недостаточно разработанных в этой связи вопросов остается, в частности, вопрос об эволюции античной городской собственности, коллективной собственности городской общины как важнейшей базы поддержания ее городского существования. Частично эта проблема уже затрагивалась и нами⁶. Накопление нового материала и новых наблюдений позволяет несколько расширить и сделать более определенными существующие в науке взгляды. Во-первых, находит подтверждение вывод покойного А. Джонса о том, что не стремление императорской власти утвердить свое всемогущество, подавить остатки полисного самоуправления и всемерно усилить централизованное бюрократическое управление, а сам углублявшийся кризис полисных структур обусловил переход к режиму домината, а также о том, что государственная власть “оказалась вынужденной” во все больших масштабах брать на себя и под свой контроль заботу о поддержании благополучия городов⁷. Выполнение этой задачи стало прямой обязанностью государственной администрации. С этим, вероятно, и были связаны “конфискации” значительной части земельных имуществ и собственных доходов городов в IV в. Новые исследования по государственному бюджету и расходам, по-видимому, окончательно подтверждают делавшееся ранее заключение, что 1/3 императорских расходов шла на нужды городов⁸. Причем это были постоянные расходы. Упомянутые же нередко в источниках экстраординарные ассигнования по разным поводам (чаще всего на восстановление городов), создающие известную иллюзию их нестабильности и чрезвычайности, представляли собой лишь дополнительные пожалования из императорской казны. 1/3 бюджета на нужды городов – это уже принципиальная социальная политика позднеантичного общества и государства (в той или иной мере продолжавшаяся до правления Ираклия – последнего императора, выделявшего большие средства на восстановление городов). Эти средства взимались и расходовались на месте. Учитывая давление общественного мнения, нет оснований преувеличивать значение произвола администрации. Из двух упоминаемых в хронике Эдессы правителей начала VI в. при одном были отреставрированы общественные портики города, а при его преемнике начато строительство новой общественной бани (*Zach. Rhetor*).

Существенно заметить, однако, что, несмотря на формальные перемены, создававшие впечатление о некоей новой теперь “государственной” обязанности властей, очевидно, что многие прежние имущества города сохранили свое старое назначение. Общеизвестен пример семейства Аппионов, которые должны были заботиться о

⁵ Stein E. Histoire du Bas-Empire. P., Bruxelles; Amsterdam, 1949. Vol. II. P. 210–215.

⁶ Курбатов Г.Л. Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 19–32.

⁷ Jones A.H.M. The Decline of the Ancient World. L., 1966. P. 251.

⁸ Delmare R. Largesses sacrées et res privata: l'aerarium imperial et son administration du IV au VI siècle. Rome, 1989. P. 276; Durliat J. Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284–889). Sigmaringen, 1990. P.43–45.

поддержании зрелищ как лица, ставшие собственниками обязанных нести эти повинности земельных имуществ⁹. Вероятно, в связи с этим нельзя недооценивать значение того, что переход собственности на обязанные городу теми или иными платежами или повинностями имущества от одних лиц к другим по существу переносил эти тяготы на нового владельца. Конечно, вряд ли кто-то принуждал последнего к их приобретению. Таким образом, рост крупного землевладения в условиях наличия массы связанных такого рода обязательствами имуществ, естественно, приводил к тому, что внешне вроде бы “независимые” городские “нотабли” оказывались через свою собственность причастными к обеспечению жизнеспособности городской общины. Старая античная городская собственность не исчезла в V–VI вв. Она в значительной степени трансформировалась. Элита нотаблей пришла к руководству городскими делами не просто как совокупность наиболее богатых и наиболее влиятельных собственников города, а как группа, в конечном счете сосредоточившая в своих руках важнейшие источники поддержания городской общины. В этом заключалась и ее преемственность с прежней куриальной муниципальной аристократией и те особенности (в том числе и менталитета), которые позволяют говорить о ней не просто как о городской знати вообще, а как о специфически позднеантичной по своему характеру и обязанностям. Вероятно, с учетом обязанностей, лежавших на их имуществах, распределялись и их городские функции – именно в силу права собственности становились отчасти наследственными и обязанности. Скорее всего, именно данное обстоятельство определяло реальную власть нотаблей в городе. Государство не столько “реформировало” муниципальное самоуправление, сколько узаконило складывавшиеся реалии. И их господство в городе во многом подготовило ту “эпоху нотаблей”, которая существенно ослабила власть провинциальной администрации на местах¹⁰.

В связи с этими же сюжетами встает и проблема “церковь и город”. Современные исследователи справедливо отказались от традиционного рассмотрения развития “церковно-монастырского” землевладения вообще, “по совокупности”¹¹. М. Каплан окончательно сформулировал вывод о том, что масштабы развития монастырского землевладения в ранней Византии несопоставимы с ростом церковного¹². Именно церковное стремительно увеличивалось на протяжении IV–VI вв. Иоанн Златоуст уже во второй половине IV в. выражал серьезную обеспокоенность тем, что клирики больше выступают в качестве экономов, учетчиков и сборщиков, нежели пастырей¹³. Отчасти желанием нейтрализовать развитие этих тенденций вызваны его установки на преимущественное развитие частной благотворительной деятельности. Колоссальное умножение церковных имуществ было также в какой-то мере закономерным наследием старой полисной системы, как и появление избыточного количества белого духовенства, концентрировавшегося в городах в VI столетии¹⁴. Вряд ли можно оспаривать огромное влияние муниципальных традиций и интересов на эволюцию в положении и политике церкви. Значительная часть епископов, по крайней мере до VI в., выходила из куриальной, муниципальной среды, а рядового духовенства – из городских плебеев разного достатка. Чем иным можно объяснить то обстоятельство, что именно на церковных землях их прежние собственники сохраняли са-

⁹ *Gascou J. Les grands domaines, la cité et l'Etat en Egypte byzantine (Récherces d'histoire agraire, fiscale et administrative) // TM. 1985. T. 9. P. 1–81.*

¹⁰ *Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History // Past and Present. N 129. Nov. 1990. P. 28–29.*

¹¹ См., например: *Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. 1949. Т. II (XXVII). С. 11–59.*

¹² *Kaplan M. L'Eglise byzantine des VIe-XIe siècles: Terres et paysans. P., 1990. P. 109–123.*

¹³ *MPG. 52, 472, 521.*

¹⁴ *Jones A.H.M. The Late Roman Empire. Oxford, 1963. P. 933–934.*

мые выгодные условия держания, зачастую близкие к собственности?¹⁵ Неудивительно, что весьма значительная часть земель в округе города к концу V в. оказалась в руках церкви. Несомненно, именно муниципальные круги привили церковным понимание престижности землевладения и его значения как стабильного источника доходов, а также и сам опыт управления. Все это нам представляется существенным поскольку позиция в этом вопросе ранневизантийского монашества, видимо, была несколько отличной¹⁶. Материалы нового тома издания оксиринских папирусов конца VI – начала VII в. убедительно свидетельствуют об итогах этого развития, а именно о роли клира и клириков в управлении не только церковными имуществами, но и частными именьями, а также в откупе и сборе государственных податей¹⁷. Епископ Амиды в начале VI в. выступал как организатор строительства пограничной крепости-города Дары (кстати говоря, на выкупленных у местной епархии землях). Данный факт – достаточное свидетельство как потенциальных возможностей, так и опыта хозяйственной деятельности церкви, являвшейся, очевидно, наиболее надежным тогда гарантом осуществления столь крупного проекта (*Zach. Rhetor.* VII. 5).

Возможно, однако, входя в состав “нотаблей”, в комитет по управлению городскими делами, епископ и верхушка духовенства также не выступали в качестве “независимого” института. В приведенном Ж. Гаску списке частных светских владений, обязанных определенными платежами городу, фигурируют также и церковные. Есть, следовательно, основания предполагать, что подобные “обязанные” имущества, при переходе их в собственность церкви, не утрачивали своей связи с городом¹⁸. По-видимому, еще более явственно это явление должно прослеживаться на материале внутригородской собственности городской общины.

Большинство городов ранней Византии были городами давнего античного основания и плана, с большим количеством общественных сооружений, доходных имуществ, наконец, с большими “общественными пространствами”, являвшимися собственностью полиса, – на наш взгляд, исторически важным резервом для поддержания городов в эпоху упадка¹⁹. Мы имеем в виду не только доходные имущества города, сдававшиеся им в аренду, но и арендную плату за городскую землю с собственников зданий, построенных на ней. Более тесная застройка прежнего “общественного пространства” в ранневизантийскую эпоху, очевидно, становилась дополнительным источником поступлений в городскую казну. Вероятно, еще подлежит в этом аспекте более системному изучению вся совокупность отношений церкви с городской общиной, искаженно односторонне отраженных прежде всего в житийной литературе. Обретение церковью обязанных различными платежами и повинностями городу имуществ, как мы уже видели выше, не снимало с лежавших на этих имуществах обязательств. Источники показывают широкий спектр “взаимодоговоренностей”, соучастия церкви в удовлетворении нужд города в обмен на определенные права и льготы. Церковь активно приобретала имущество в городе и, соответственно оказывалась все более тесно связанной с муниципальной собственностью, что расширяло реальную основу ее участия в муниципальных делах и управлении, но одновременно налагало на нее определенные обязанности по отношению к гражданской городской общине. Муниципальные реформы Анастасия в этом плане (СЖ. 55, 11 и др.) от-

¹⁵ Kaplan M. Les propriétés de la couronne et de l'église dans l'empire byzantin (V^e-VIe siècles) // *Byzantina Sorbonensia*. P., 1976. T. 2.

¹⁶ Papadacis A. Byzantine monasticism reconsidered // BS.1986. 47. F. 1. P. 43: “the luck of large monastic estates, properties”.

¹⁷ *The Oxyrhynchus papyri*. L., 1991. Vol. LVIII.

¹⁸ Gascou J. Les grands domaines. P. 41, 81.

¹⁹ Janvier G. La Législation du Bas-Empire Romain sur les édifices publics. Aix-en-Provence, 1969.

ражали не столько замыслы и намерения (“административное принуждение”), сколько изменившиеся реалии. Церковь стала крупнейшим в городе обладателем так или иначе связанных с городской общиной имуществ и соответственно одним из главных “ответственных” за ее сохранение и функционирование. Так же, как в отношениях с крупными собственниками, здесь существовал определенный баланс интересов, который и породил режим “нотаблей”, опиравшихся на поддержку городской общины. Вряд ли можно оспаривать вывод о том, что византийская церковь никогда не была так экономически могущественна, а белое, городское духовенство так многочисленно и влиятельно, как в ранневизантийскую эпоху. Следовательно, этот феномен в немалой степени был связан с упадком античного полиса и его структур, как и с влиянием мощных античных традиций, придававших ей характер муниципального института.

Выше мы уже мимоходом противопоставили масштабы и темпы развития церковного и монастырского землевладения. В какой-то мере это может быть сказано и о других сферах деятельности духовенства. Хотя для ранней Византии, и в принципе это понятно, было характерно чрезвычайно интенсивное умножение именно городских и пригородных монастырей – как одно из следствий кризиса и упадка античного полиса, тем не менее этот процесс не стимулировал интенсивного развития монастырского ремесла. Монастырь не становился в этой сфере конкурентом “городу”. Вероятно, этим обстоятельством в какой-то мере объясняется и несопричастность монашества к прямым городским конфликтам на почве социально-экономических интересов²⁰. Если, с одной стороны, упадок городов, несомненно, стимулировал умножение числа монастырей и монашества, то, с другой – он же и развитое городское производство не стимулировали развития собственного монастырского ремесла²¹. Монастырь мог приобретать и заказывать все необходимое в городе в благоприятных условиях возраставшего обеднения и конкуренции внутри массы городского торгово-ремесленного населения, не говорят уже о прямых пожертвованиях и дарениях монастырям богатых горожан. Монастыри, таким образом, какой-то мере поддерживали и сохранение городского производства. Видимо, в этом заключалось существенное отличие монастыря ранневизантийской эпохи от последующей, также обусловленное сохранением еще достаточно мощного города. В этом отчасти заключаются, по-видимому, и причины величайшей духовно-религиозной активности и “подвижности” монашества того времени.

Традиционным в науке является представление о непрерывном росте числа монастырей и монашества, принявшем поистине “драматические” масштабы во второй половине VII в. Города приходили в упадок, но росли и умножались монастыри²². Исследование В. Руджиери вносит известные коррективы в сложившиеся представления²³. Он проанализировал все данные источников об основании новых монастырей с конца VI по начало IX в. на территориях, сохранявшихся под властью Византии. Хотя не все собранные ученым данные могли быть точно датированы, его подсчеты наводят на размышления. Судя по прилагаемой таблице, наибольший рост основания монастырей приходится на конец VI – начало VII в., т.е. на время стремительного упадка городов и городской жизни. Вторая же половина VII в. почти до конца столетия отнюдь не являет собой эпоху “драматического” умножения мона-

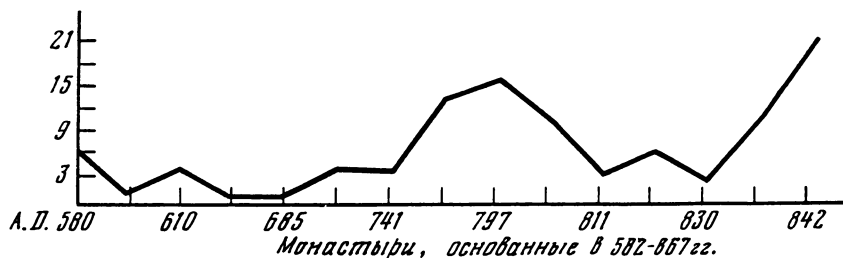
²⁰ Чекалова А.А. Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986. С. 63–64 и др.

²¹ См., например: Magoulias H.J. The Lives of the Saints as Sources for Church and Monastic Wealth // *Byzantina*. 1989. 19. P. 369–384. Ср.: *Idem*. Trades and Crafts in the Sixth and Seventh Centuries as Viewed in the Lives of the Saints // *BS*. 1976. Vol. 37. 1. P. 11–95.

²² Haldon J.F. *Byzantium*. P. 293, 443.

²³ Ruggieri V. *Religious Architecture (582–867): Its History and Structural Elements* // *Orientalia christiana Analecta*. Roma, 1991. T. 237.

стырей. Пик создания новых монастырей приходится таким образом, на конец VI – начало VII в. – начальный период упадка городов. Дальнейший же упадок городской жизни повлек за собой спад в основании и монастырей, поскольку благополучие и процветание монашества находилось в прямой зависимости в тот период прежде всего от экономического потенциала города.

Вероятно, необходимо учитывать два ряда факторов, на основании которых можно говорить о том, что подвергавшиеся трансформации античные основы ранневизантийского города были окончательно подорваны лишь на рубеже VI–VII вв. Во-первых, это войны, вторжения и разрушения, появление новых поселенцев, т.е. все то, что ослабило значение связанной с городом земельной собственности, привело к сокращению их площади, числа их жителей, а иногда даже к перемещению городов в пространстве. Роль прежней внутригородской собственности как важного источника поступлений в казну городской общины быстро снижалась. Во-вторых, с указанными процессами были связаны и перемены во внутригородских отношениях, которые можно обозначить как кризис “эпохи нотаблей”.

М.М. Мэнго убедительно показала, что ранневизантийская церковь никогда не была так богата, никогда не вела столь масштабного и дорогостоящего строительства, не украшала столь роскошно церкви, как в конце VI – начале VII в. Ее богатства находились в вопиющем противоречии с растущей бедностью масс городского населения²⁴. Церковь в городе превращалась в самостоятельный институт, который все более нарушал прежний баланс внутригородских отношений и муниципальные традиции. В какой-то мере это нашло отражение уже в деятельности Иоанна Милостивого, который защищал зависимых от церкви торговцев и их лавки от, судя по всему, законных поборов в пользу города (*Vita. Cap. XIV*). “Приватизация” интересов церкви и богатых собственников, растущее обеднение массы и рост внутригородских противоречий не только подрывали основы известной стабильности эпохи господства городских “нотаблей” и содействовали в конечном счете завоеванию и разгрому варварами многих городов, но, по сути дела, они означали также крах античной муниципальной системы и вступление города в совершенно новый этап своего существования.

²⁴ *Mango M.M. The Uses of Liturgical Silver, 4th-7th centuries // XII Byzantine Spring Symposium. Manchester, 1986. P. 245–262.*